

Таджики на Южном Урале в постсоветские годы

А. А. Авдашкин*

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. Статья посвящена формированию и развитию сообщества таджикских мигрантов в постсоветский период на Южном Урале. Методологической основой исследования служит транснационализм, показывающий жизнь мигрантов одновременно в двух контекстах – «там» и «здесь». На основе архивных документов, данных о международной миграции и собственных полевых материалов реконструированы количественные и качественные параметры трансграничных перемещений из Таджикистана, показаны время и обстоятельства прибытия, выявлено участие во внутрироссийских и трансграничных миграциях. Сделан вывод, что выходцы из Таджикистана являются наиболее заметной группой среднеазиатских мигрантов в регионе.

Ключевые слова: Челябинск, Средняя Азия, таджики, миграция, мигранты.

Для цитирования: Авдашкин А. А. Таджики на Южном Урале в постсоветские годы // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 36. С. 50–61. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.36.50>

Tajiks in the South Urals in the Post-Soviet Years

A. A. Avdashkin*

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the formation and development of the community of Tajik migrants in the Post-Soviet period in the South Urals. The source database was made up of archival documents from the archive of the Chelyabinsk region, data on international migration and field materials of the author. Using this set of sources, the author reconstructs the quantitative and qualitative parameters of cross-border movements from Tajikistan, shows the time and circumstances of arrival migrants, reveals the participation of Tajiks in internal Russian and cross-border migrations. In total, the author collected 56 interviews with immigrants from Tajikistan, implemented 115 hours of included observation. The sample of objects for observation and establishment of contacts with informants included: cafes, “points” selling clothes in the markets “Chinese”, “Vostochnyi Gorod” and “Kashirinsky” in Chelyabinsk, residential buildings and schools near them, as well as public transport. The methodological basis of the research is transnationalism. The use of transnational optics made it possible to see the life of migrants simultaneously in two contexts – “there” and “here”. In the structure of Central Asian migration to the South Urals since the 1990s Tajiks predominated. Against their background, the Kyrgyz were small and “invisible” for the host country; Uzbeks joined labor migration only relatively recently. Dynamic movements from Tajikistan have led to the formation of stable transnational ties, connected, first of all, with the supply and sale of fruits and vegetables, seasonal work at construction sites, etc. People from the Khatlon and Sughd regions come to the South Urals. At the same time, Tajik migrants demonstrated a high level of mobility within Russia already in the 1990s, they actively moved around Russian cities (Moscow, Yekaterinburg, Novosibirsk) in search of work, higher earnings, and prospects for starting a business. Labor migration from Tajikistan is due to steady population growth in the country of origin, combined with low rates of economic development, unemployment, and low incomes. According to informants' estimates, in the coming years, one should hardly expect a significant reduction in migration from Tajikistan to the Chelyabinsk region.

Keywords: Chelyabinsk, Central Asia, Tajiks, migration, migrants.

For citation: Avdashkin A. A. Tajiks in the South Urals in the Post-Soviet Years. *Bulletin of the Irkutsk State University. Georarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2021, Vol. 36, pp. 50–61. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.36.50> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

По данным на май 2019 г., на территории России находилось порядка 1,2 млн граждан Таджикистана [«На работу в Россию» ...; Россия – завывает ...]. Узбекистан и Таджикистан являются основными поставщиками рабочей силы на российский рынок труда [Щербакова, 2021]. При этом мигранты из этой страны распределены по территории России довольно неравномерно. Среди регионов с наибольшим удельным весом выходцев из Таджикистана находятся: Москва и Московская область, Екатеринбург, Казань, Новосибирск и Санкт-Петербург [Пять российских городов ...; Самые влиятельные диаспоры ...]. Миграция

из Таджикистана составляет основу среднеазиатской миграции на Южный Урал. За прошедшие три десятилетия численность таджиков возросла с 870 (1989 г.) до 7,3 тыс. (2010 г.). Составляют они и значительную часть временной рабочей силы.

Для большинства российских регионов и крупных городов характерны свои направления международной и трудовой миграции, что сказывается на удельном весе мигрантов из тех или иных стран [Мигранты в российских ... , 2021]. Например, Санкт-Петербург является одним из заметных центров притяжения жителей Узбекистана, Москва – Кыргызстана. В этом смысле Челябинская область является регионом, принимающим международную и трудовую миграцию преимущественно из Таджикистана¹. В большинстве исследований в Уральском регионе (главным образом Екатеринбург), выполненных в русле migration studies, акцент делался на отношении принимающей стороны к мигрантам [Бритвина, Могильчак, Савчук, 2018; Бритвина, Могильчак, 2018]. По разным причинам вне поля зрения исследователей долгое время остается «голос мигрантов». Собранный автором материал акцентирует внимание на биографических траекториях среднеазиатских мигрантов, их мобильности и накопленном жизненном опыте. Этими соображениями обусловлены новизна и актуальность рукописи.

Цель статьи – рассмотреть формирование и развитие сообщества таджикских мигрантов в постсоветский период на Южном Урале. Обращение к этой тематике позволит реконструировать количественные и качественные параметры трансграничных перемещений из Таджикистана: время и обстоятельства прибытия, сферы занятости, участие во внутрироссийских и трансграничных миграциях.

Участию жителей Таджикистана в трудовой миграции посвящен значительный объем литературы [Флоринская, 2010]. Несмотря на распад СССР, Таджикистан, как и другие государства Средней Азии, продолжает функционировать в единой миграционной системе, которая пережила трансформацию коммуникаций, траекторий мобильности, транзитных маршрутов. Низкие темпы создания рабочих мест, преобладание неформальной занятости и экономики² способствуют миграционному оттоку [Темпы роста населения ...]. На сегодняшний день сложились прочные контакты между российским рынком труда и основными экспортерами рабочей силы [Олимова, 2005; Трансформация социальных ... , 2018; Олимов, Олимова, 2019; Kluczewska, 2020; Abduvaliev, Bustillo, 2020]. Несмотря на то что получение денежных переводов позволило ощутимо повысить уровень жизни, бедность, неразвитая инфраструктура по-прежнему влияют на качество жизни населения [Зотова 2008; Kumo, 2012; Buckley, Hofmann, 2012; Betti, Lundgren, 2012; Blondin, 2020].

Трудовая миграция из Таджикистана в Россию носит ярко выраженный сезонный характер, что обусловлено спецификой сфер российской экономики, где трудятся мигранты (строительство, добывающая промышленность, сельское хозяйство, розничная уличная торговля и общественное питание) [Олимова, Олимов, 2010].

¹ Миграция из Казахстана в Челябинскую область в основе своей русскоязычная.

² Так, с 1991 по 2002 г. доля занятых в личных подсобных хозяйствах увеличилась с 45 до 67 %.

Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили данные переписи населения, статистика о международной миграции из Таджикистана в регион, архивные документы, материалы интервью и включенного наблюдения. Сведения о мигрантах из Таджикистана, работе их общественных объединений содержат фонды областной администрации (Р-700), миграционной службы (Р-705) и Минюста (Р-1041). В общей сложности собрано 56 интервью с выходцами из Таджикистана, реализовано 115 часов включенного наблюдения.

Сбор материала проходил в 2013–2021 гг. в Челябинске. Основная часть задействованных в исследовании информантов приехала из Согдийской и Хатлонской областей Таджикистана. Подавляющее большинство интервьюируемых представляли Хатлонскую область (32 чел.), остальные прибыли из Согдийской области (19 чел.), других районов Таджикистана и Узбекистана. Гендерное соотношение составило 7 женщин и 49 мужчин. Выборка объектов для наблюдения и установления контактов с информантами включала: кафе, точки по продаже одежды на рынках «Китайский», «Восточный город» и «Каширинский», жилую застройку и школы возле них, а также общественный транспорт. Представленный комплекс источников позволяет установить время и обстоятельства прибытия мигрантов из Таджикистана, очертить сферы их занятости, показать участие во внутророссийских и трансграничных миграциях.

После обработки исходных данных отобраны наиболее интересные биографические случаи, которые легли в основу статьи, позволяя рассмотреть процессы в среде мигрантов из Таджикистана. Запись бесед на диктофон не практиковалась, велись заметки в дневник наблюдений. Интервью кодировались, имена информантов изменены по их просьбе. Рамки рукописи не позволяют в полном объеме воспроизвести все сюжеты, поэтому в основу исследования положено описание нескольких случаев мигрантских биографий. Такой подход позволит рассматривать пребывание мигрантов в более широком контексте, учитывающем их прошлый жизненный опыт, приобретение новых социальных контактов, субъективные точки зрения, интерпретации и т. д. [См.: Джанызакова, 2019; Бредникова, 2020; Джанызакова, 2021; Schröder, Stephan-Emmrich, 2014].

Кейсами выступили биографии таких информантов, как:

1) Умеджон, 24 года, приехал вместе с родителями из пос. Вахш Хатлонской области в Москву в 2000 г., с 2017 г. живет в Челябинске, занимается розничной торговлей на рынке «Китайский»;

2) Абдуахад, 43 года, приехал из г. Худжанда Согдийской области в 1998 г., на время проведения исследования работал в Челябинске таксистом, во время проживания в России часто менял сферы деятельности и переезжал из города в город в поисках более высокой заработной платы;

3) Ойша, 26 лет, приехала к мужу из г. Истаравшан Согдийской области в 2016 г.

Биографии и стратегии таджикских мигрантов в динамике интересны еще и тем, что среди таджиков мы увидели больше всего представителей так называемого второго поколения мигрантов, родившихся и воспитанных не в Таджикистане, а уже в России. На примере выходцев из Таджикистана мы видим сложные траектории интеграции. Они не стабильны, не линейны, претерпевают трансформации

по принципу «шаг вперед, шаг назад». Собранный материал пока не позволяет полнее раскрыть этот исследовательский вопрос.

Оптика транснационализма показывает нам, как периодические перемещения мигранта между отправляющим и принимающим обществом формируют динамичное транснациональное пространство [Shiller, Basch, Szanson-Blanc, 1992; Faist, 2010]. Различные формы миграции из Таджикистана в Россию привели к появлению устойчивых и разветвленных транснациональных коммуникаций (трудова́я миграция, практики родительства на расстоянии и др.) [Погодаев, 2018; Пешкова, 2016; Борисова, 2017а, б]. Переключаясь в случае необходимости из одного регистра в другой, его акторы пребывают в раздвоенном состоянии между Средней Азией и местом работы, проживания. Раздвоенность состоит в том, что когда мигранты приспосабливаются к необходимости преодолевать большие расстояния, пользоваться новыми средствами коммуникации, организовывать периодическое движение «туда-обратно» и менять в соответствии с этим свои статусы, социальные связи и практики приобретают транснациональный характер [Абашин, 2012; Абашин, 2015].

Фокусировка на повседневных связях и контактах мигрантов побуждает обратиться к локальности, имеющей территориальное и отчасти совпадающее с ней социальное измерение, как к основному объекту изучения. Среднеазиатская миграция от региона к региону, от города к городу имеет существенные различия. Это зависит от интенсивности и траекторий перемещения, структуры местной экономики и наличия в ней ниш для мигрантов, характера взаимодействия с принимающим обществом и т. д. [Абашин, 2012].

Результаты и обсуждение

По оценкам наших информантов, Челябинская область в структуре таджикской миграции является важным транзитным пунктом. Специфика экономической ситуации в регионе приводит к тому, что мигранты из Таджикистана «выбирают» Челябинск среди остальных российских миллионников лишь в тех случаях, когда более привлекательные варианты по каким-то причинам отпадают (Екатеринбург, Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург). Иными словами, столица Южного Урала зачастую рассматривается выходцами из Таджикистана как «трамплин» для закрепления в России, наращивания социального капитала и др. [ПМА 1; 2]. По мере накопления опыта и связей мигранты осваивают рынок труда ближайших регионов и крупных городов. В этом, по мнению наших информантов, состоит основная особенность таджикского сообщества на Южном Урале.

Материалы переписи населения показывают, что таджики на Южном Урале относятся к наиболее многочисленной группе мигрантов из государств Средней Азии (табл. 1). Заметно отличается в сравнении с другими среднеазиатскими этническими группами динамика их прироста, наметившегося в первое же постсоветское десятилетие, в отличие от киргизов или узбеков.

Таджикский национально-культурный центр «Сомониен» стал одним из первых созданных выходцами из Средней Азии в Челябинске. Данная общественная организация уделяет большое внимание работе среди мигрантов из Таджикистана [Исламудин Раджабов ...]. Поддерживаются прочные связи с таджикскими сообществами в городах области [ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1815. Л. 80] и других регионах России. Во многом по инициативе активистов центра «Сомониен» в 2007 г. состоялся визит в Челябинск главы Республики Таджикистан Э. Рахмона [В Челябинске президент ...].

Таблица 1

Численность представителей азиатских этнических групп на Южном Урале в 1939–2010 гг.
[Переписи населения ...]

Этнические группы	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Узбеки	236	1807	1261	1536	3475	3057	6446
Таджики	30	–	396	697	870	5125	7375
Киргизы	1226	231	198	394	931	604	1410
Корейцы	291	449	404	412	463	959	905
Китайцы	72	–	60	58	55	192	171
Казахи	28731	22813	27559	28224	33230	36219	35297

К 2002 г. из Таджикистана в регион прибыло 7108 чел. Из них 2,8 тыс. русские. Статистический инструментарий данной переписи, к сожалению, не позволил отследить полный этнический состав прибывших, так как больше половины отнесены в графу «другие национальности» [ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 28. Д. 5. Л. 1–8]. В общей сложности по результатам переписи населения 2002 г. в Челябинской области зафиксировано 2,8 тыс. граждан Таджикистана. Всероссийская перепись 2010 г. населения учла 7375 таджиков. Большая часть из них владела русским языком – 6850, таджикским – 4133. Помимо этого таджики владели также узбекским (500 чел.)³. В регионе насчитывалось 2059 граждан Таджикистана. Как уже упоминалось, по данным интервью и сведениям миграционной службы, основными регионами, откуда происходил приток мигрантов, являлись Хатлонская (в последние годы примерно до 70 %) и Согдийская области [ПМА; ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 595. Л. 33, 64].

Таблица 2

Данные о международной миграции из Таджикистана
в Челябинскую область в 2000–2019 гг. [Международная миграция ...]

Год	Прибыл	Выбыл	Прирост
2000	327	26	321
2001	120	18	112
2002	108	35	73
2003	105	26	79
2004	63	20	43
2005	175	9	166
2006	333	21	312
2007	926	38	888
2008	777	38	739
2009	819	41	778
2010	1052	15	1037
2011	1760	33	1727
2012	1396	239	1157
2013	849	357	492
2014	1103	1089	14
2015	1499	784	715
2016	1801	725	1076
2017	1358	789	569
2018	1140	1028	112
2019	2687	1271	1416

³ По объяснению информантов, многие прибывают в регион из районов таджикско-узбекского приграничья, где проживает довольно много узбеков.

Миграция из Таджикистана в XXI в. происходила достаточно равномерно, в отличие, например, от Кыргызстана и Узбекистана, и не имела ярко выраженных «пиков», связанных с внутривосточной нестабильностью в государствах исхода. Источников, позволяющих зафиксировать вынужденные миграции таджиков в условиях гражданской войны 1990-х гг., практически нет. На основе имеющихся данных мы можем говорить лишь об исходе русскоязычного населения. Первые сведения о трудовой миграции из Таджикистана показывают ее ярко выраженный маятниковый характер, количество таких сезонных рабочих оценивалось не менее чем в 8–10 тыс. чел.

Официальная численность трудовых мигрантов из Таджикистана перед мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. составила 16,8 тыс. чел. (более 30 % от общего количества иностранных работников) [Артур Дамерт ...]. В дальнейшем на фоне стагнации российской экономики и мер кадрового протекционизма, предпринятых региональными органами власти, численность сократилась примерно до 8–10 тыс. Однако граждане Таджикистана, равно как и Узбекистана, продолжали играть важную роль на местном рынке труда, заполняя маловостребованные ниши в структуре региональной экономики. Как мы видим, миграционный обмен Челябинской области с Таджикистаном достаточно динамичен (табл. 2).

Биографии информантов концентрируются главным образом на трудовом пути. В целом повествование выглядит как перечисление мест, где бывал мигрант и (или) члены его семьи в привязке к местам работы и сферам занятости. Зачастую эти описания не привязаны к хронологии, показаны только ключевые моменты с точки зрения приобретения положительного или отрицательного опыта. Продолжительность жизни в миграции способствует его набору. Изученные нами биографии мигрантов из Таджикистана представлены не как расширение «жизненного пространства», когда маршрут Худжанд – Челябинск прирастает новыми точками, а как сложная коллекция разных опытов и стратегий.

Изученный массив источников показал, что глубина и насыщенность этого опыта больше у жителей Таджикистана, поскольку они существенно раньше включились в процессы миграции. Как оказалось, в большинстве случаев источником сведений о России являлись истории самих трудовых мигрантов, наблюдения за их семьями и др. Пребывание в так называемом сером правовом поле воспринималось как норма, поскольку повседневная жизнь в стране исхода готовит потенциальных мигрантов [Лисицын, Степанов, 2019].

Умеджон: траектории интеграции. Данный случай выбран для иллюстрации такой темы, как различные векторы интеграции выходцев из Таджикистана. Анализ собранного материала в динамике показал, что интегрированность информантов в общество не носит линейный характер. Иными словами, мы наблюдали, как, казалось, хорошо интегрированные выходцы из Таджикистана меняли свои жизненные приоритеты, круг общения и др. В начале наблюдений наш информант не поддерживал контактов с выходцами из Таджикистана, его круг общения не состоял из мигрантов, не соблюдались традиции и т. д. Умеджон встречался с русской девушкой. Информанты такой группы (применительно к таджикам мужчины) в чем-то даже гордились своей интегрированностью в принимающее общество, уверенным владением русским языком и отсутствием «кишлачных» привычек. Таков был опыт первых интервью, даже их формат выбирался информантами так, чтобы подчеркнуть незыблемость своего членства в принимающей среде («Макдональдс», бары или места поблизости от ночного клуба по пути туда): «Ре-

бьята, которые приехали только недавно из Средней Азии, всегда говорят, что я другой. Помню, в футбол приходил играть с ними. Они очень удивились, когда узнали, что хожу в ночные клубы с русскими ребятами» [ПМА 1].

На ограниченном промежутке времени мы наблюдали, как менялись наши информанты. Больше всего контраста показал именно случай Умеджона. Через год перед нами предстал очень консервативный молодой человек. Он начал посещать мечеть, отрастил бороду, расстался со своей русской подругой. Круг общения заметно изменился, приоритеты развернулись в сторону выходцев из Средней Азии. Оценивая свой мигрантский опыт, информант подчеркнул, что российское общество все равно настроено враждебно к «чужим» и он не был принят как «свой». По этой причине он выбирал ту среду, где он действительно будет «принят» и не будет возникать диссонанса. Как заметил наш информант «...общество до сих пор не может само себе ответить на вопрос “ты наш или не наш”. Та шумиха, которая идет вокруг Манижи, подтверждает это» (интервью проходило весной 2021 г.) [ПМА 1].

Случай Абдухада, или Мобильная занятость мобильного субъекта. Наш информант Абдухад является ярким примером мобильного субъекта. В его мигрантской биографии мы видим очень широкую географию передвижений по территории России и множество профессий. Абдухад начал с торговли сухофруктами и плодоовощной продукцией в Челябинске, когда «окрепли связи между регионами» и начались регулярные торгово-экономические отношения Ленинадской и Челябинской областей. После обретения определенного опыта вместе с земляками начал осваивать другие сферы в крупных российских городах (Магнитогорск, Екатеринбург, Москва, Самара, Казань, Тюмень и др.). Впоследствии векторы его перемещений, созданные социальные связи на местах помогали освоиться родственникам (племянники, братья, сыновья и дочери).

За прошедшие годы информант поменял множество видов деятельности и профессий. От торговца и грузчика на рынке до повара и таксиста. На момент проведения исследования информант работал в Челябинске таксистом и ждал возможности уехать в Москву или Екатеринбург на заработки. Данный случай показывает нам, как мигранты не только перемещаются между Российской Федерацией и Средней Азией. Они регулярно меняют место работы, жительства даже в рамках одного города и области. Информант пожил во всех районах городов Челябинска и Магнитогорска.

Кроме того, вопреки представлению об устойчивости социальных сетей поддержки, они не остаются статичны, часто обновляясь, достраиваясь и др. Иными словами, мобильность является ответом на любые вызовы, изменения структурных условий и биографических контекстов [Бредникова, 2020]. Абдухад признается, что за короткий период времени мог «уехать на родину, чтобы заняться там бизнесом», но уже через несколько месяцев планы менялись и он ехал на строительство объектов в Москве, помогал обустроиваться в Екатеринбурге дочери и др. [ПМА 2].

Выработка множества разных навыков, связанных с местами работы и жительства, широким кругом общения, регулярным пересечением разнообразных границ, дает основания для формирования множественности идентичностей, позволяет выбирать их, актуализировать ту из них, которая востребована «здесь и сейчас». Такая множественность идентичностей и лояльностей дает определенное преимущество в трудовой сфере. Так, Абдухад привык менять работодателей и коллег, оставляя за рамками их этничность, место рождения и др. Разумеется,

общий язык, происхождение, опыт и образ жизни создают базу для солидарности. Однако для успешной аккумуляции и взаимного дополнения имеющихся ресурсов коллегой и партнером по бизнесу может стать не только «свой», но и местный житель, мигрант из любой другой страны.

Случай Ойши: гендерные измерения миграции из Таджикистана. Миграционный сценарий Ойши и ее сестер интересен сочетанием различных форм мобильности самих женщин, их детей и примерами того, как миграция меняет семейные отношения. Сегодня мы наблюдаем постепенную феминизацию трудовой миграции из Таджикистана. Это накладывает заметный отпечаток на иерархию отношений в таджикском обществе, семейное, сексуальное и репродуктивное поведение, исполнение социальных ролей в стране исхода и приема [Рязанцев, Письменная, Максимова, Гафурова, 2018; The roles ... , 2011; Thibault, 2018]. При этом, как показывают последние наблюдения, миграция женщин носит дифференцированный характер. Так, важным выталкивающим фактором может быть желание сохранить семью, осуществив переезд вслед за мужем, поиск брачного партнера, образование и др., а не только заработок. «Так выходит, что “лучшие” женихи уезжают. Моим подругам приходилось ехать вслед за ними» [ПМА 3].

Муж Ойши уехал на заработки в Россию и находился там продолжительное время (Москва, Екатеринбург, Челябинск). Во время первого года он нашел женщину, которая будет исполнять «роль жены» в миграции. Осознавая угрозу распада семьи, информант приняла решение забрать с собой маленького сына и переехать к мужу. Конечно, не последнюю роль играл более высокий уровень жизни в России, но именно семейные обстоятельства стали решающими. Добавим, что сестры информанта жили вместе с мужьями периодами по 2–3 года вместе с детьми, после чего возвращались обратно в Таджикистан [ПМА 4; 5].

Наши наблюдения показали заметную разницу в поведении женщин из разных среднеазиатских государств. Женщины из Кыргызстана и Узбекистана заметно быстрее адаптируются к условиям в принимающем обществе, их поведение чаще носит более независимый характер по сравнению с поведением женщин из Таджикистана [Полетаев, 2018, с. 69]. По словам Ойши, таджички более консервативны, за редким исключением не работают и занимаются домашним хозяйством, уровень освоения русского языка минимален. Не случайно, что именно выходцы из Таджикистана меньше остальных мигрантов из Средней Азии пользуются в домашней обстановке русским языком [Эндрюшко, 2020, с. 91].

Заключение

В структуре среднеазиатской миграции на Южный Урал еще с 1990-х гг. преобладали таджики. Киргизы на их фоне являлись малочисленными и «незаметными» для принимающей стороны, узбеки включились в трудовую миграцию только относительно недавно. Динамичные перемещения из Таджикистана привели к формированию устойчивых транснациональных связей, связанных, прежде всего, с поставкой и реализацией плодоовощной продукции, сезонными работами на стройках и др. При этом таджикские мигранты демонстрировали высокий уровень мобильности внутри России уже в 1990-е гг., они активно перемещались по российским городам в поисках работы, более высокого заработка и перспектив для открытия бизнеса. Трудовая миграция из Таджикистана обусловлена устойчивым приростом населения в стране исхода в сочетании с низкими темпами экономического развития, безработицей и низкими доходами.

Проведенное исследование актуализирует поиск сходств и особенностей в группах мигрантского населения различных российских регионов. Выходцы из Таджикистана действительно преобладают на так называемых этнических рынках Челябинска. Отсюда возникает вопрос: по какой причине в некоторых сферах торговли подавляющее большинство занятых составляют именно мигранты. Такое сравнительное исследование предполагает работу в поле социальной истории. Ключевым его объектом, на наш взгляд, должно являться формирование сетей поставок сельхозпродукции в города РСФСР в позднесоветское время. Кроме того, важно понять, как происходила организация поставок одежды на исходе перестройки и в первые годы постсоциалистического транзита, как складывались вещевые рынки, как они трансформировались со временем.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740007 («Азиатский вектор миграций в Челябинскую область: историческая ретроспектива, прогнозы и риски», 2021).

Источники

- Артур Дамерт: «Челябинская область является привлекательной для мигрантов» // Ural Press. 2008. 7 октября. URL: <https://uralpress.ru/news/arhiv/artur-damert-chelyabinskaya-oblast-yavlyayetsya-privlekatelnoy-dlya-migrantov> (дата обращения: 05.06.2021).
- В Челябинске президент Таджикистана провел два часа с земляками // Asia-Plus. 2007. 17 августа. URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/life/person/20070817/v-chelyabinske-prezident-tadzhikistana-provel-dva-chasa-s-zemlyakami> (дата обращения: 05.06.2021).
- Исламудин Раджабов, руководитель таджикского национально-культурного центра «Сомониен»: Главное – быть нужным России // Агентство новостей Доступ. URL: https://dostup1.ru/interview/interview_33466.html (дата обращения: 05.06.2021).
- Международная миграция в Челябинской области в динамике 2000–2019 гг. // Челябинскстат. URL: <https://chelstat.gks.ru/population> (дата обращения: 05.06.2021).
- «На работу в Россию»: количество мигрантов из Таджикистана бьет рекорды // REGNUM. 2019. 28 мая. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2637107.html> (дата обращения: 05.06.2021).
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-485. Оп. 28. Д. 5.
- ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 595.
- ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 1815.
- Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп-weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 05.06.2021).
- ПМА 1 – Полевые материалы автора, интервью проведено в сентябре 2014 г., феврале 2021 г. в г. Челябинске (информант – Умеджон, 1997 г.р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора, интервью проведено в сентябре 2014 г., феврале 2021 г. в г. Челябинске (информант – Абдурахад, 1978 г.р.).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора, интервью проведено в сентябре 2014 г., феврале 2021 г. в г. Челябинске (информант – Ойша, 1995 г.р.).
- ПМА 4 – Полевые материалы автора, интервью проведено в сентябре 2014 г., феврале 2021 г. в г. Челябинске (информант – Азота, 1992 г.р.).
- ПМА 5 – Полевые материалы автора, интервью проведено в сентябре 2014 г., феврале 2021 г. в г. Челябинске (информант – Сафия, 1998 г.р.).
- Пять российских городов, которые чаще всего выбирают таджикские мигранты // Asia-Plus. 2020. 15 авг. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200815/pyat-rossiiskih-gorodov-kotorie-chatshe-vsego-vibirayut-tadzhikskie-migranti> (дата обращения: 05.06.2021).
- Россия – завывает, Таджикистан – занижает. Сколько таджикских мигрантов в России? // Радио Озоди. 2019. 17 авг. <https://rus.ozodi.org/a/30114828.html> (дата обращения: 05.06.2021).
- Самые влиятельные диаспоры Среднего Урала. Таджики // ЕАН интерактивные новости. URL: https://eanews.ru/news/society/Samy_e_vliyatelnye_diaspory_Srednego_Urala_Chast_vtoraya_tadzhiki_14_08_2017 (дата обращения: 05.06.2021).
- Темпы роста населения Таджикистана опережают темпы создания новых рабочих мест // Точка зрения. Информационно-аналитический портал. 2021. 11 июня. URL: <https://nuqta.tj/tempy-rosta-naseleniya-tadzhikistana-operezhayut-tempy-sozdaniya-novyh-rabochih-mest/> (дата обращения: 27.08.2021).

Список литературы

- Абашин С. Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab Imperio. 2015. № 3. С. 125–165.
- Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, лояльные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
- Борисова Е. В. Детская мобильность в контексте миграции из Таджикистана // Социологические исследования. 2017а. № 8. С. 73–80.
- Борисова Е. В. «Не стала здороваться – вот что значит ездить в Россию!»: возвращение детей мигрантов как предмет моральных суждений в Таджики-

- стане // Этнографическое обозрение. 2017b. № 3. С. 16–31.
- Бредникова О. Е. Мобильная занятость мобильного субъекта // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 4 (18). С. 705–720. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720>
- Бритвина И. Б., Могильчак Е. Л., Савчук Г. А. Отношение жителей уральского мегаполиса к иностранным мигрантам из стран Центральной Азии: факторный анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 137–146. <https://doi.org/10.17223/1998863X/44/14>
- Бритвина И. Б., Могильчак Е. Л. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иностранным мигрантам // Мир России. 2018. Т. 27, № 1. С. 114–134. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>
- Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция / Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, А. С. Андреева М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 226 с.
- Джанызакова С. Д. «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // Сибирские исторические исследования. 2019. № 3. С. 72–86. <https://doi.org/10.17223/2312461X/25/4>
- Джанызакова С. Д. «Предпочитаю работать на себя»: предпринимательство мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1. С. 157–195. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-18>
- Зотова Н. Восприятие миграции в стране исхода: Таджикистан // Демоскоп-weekly. 2008. № 355–356. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/analit07.php> (дата обращения: 05.06.2021)
- Лисицын П. П., Степанов А. М. Переезд из Таджикистана в Россию: мифы и реальность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2 (150). С. 304–317. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.14>
- Олимова С. Миграционные процессы в современном Таджикистане // Демоскоп-Weekly. 2005. № 223-224. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0223/analit05.php#_FNR_26 (дата обращения: 05.06.2021)
- Олимов М. А., Олимова С. К. Трансформация идентичности в миграции: этничность и религия (на примере таджикской трудовой миграции в России) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 158–166. <https://doi.org/10.17223/19988613/59/21>
- Олимова С., Олимов М. Таджикские трудовые мигранты во время кризиса // Демоскоп-weekly. 2010. № 415–416. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/tema01.php> (дата обращения: 05.06.2021).
- Пешкова В. М. Транснациональные особенности семейной экономики трудовых мигрантов из Средней Азии в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1 (131). С. 240–255. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.10>
- Погодаев Н. П. Осевёв, хамчун руси навин: образовательная миграция из Таджикистана в Россию как ресурс формирования трансграничного общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 183–198. <https://doi.org/10.17223/1998863X/44/18>
- Поletaев Д. В. Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизия в Россию // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 69–78. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-07>
- Трансформация социальных ролей женщин в Таджикистане в условиях трудовой миграции / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, А. С. Максимова, Ш. Ш. Гафурова // Женщина в российском обществе. 2018. № 2 (87). С. 64–74. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.2.6>
- Флоринская Ю. Памирские трудовые мигранты в России (по результатам исследования в московском регионе) // Демоскоп Weekly. 2010. № 415–416. http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/analit01.php#_FN_6 (дата обращения: 05.06.2021)
- Щербакова Е. М. Иностранная рабочая сила в России по итогам 2020 года // Демоскоп Weekly. 2021. № 901-902. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom01.php> (дата обращения: 05.06.2021).
- Эндрюшко А. А. Интеграция в российское общество мигрантов из Азербайджана и других стран постсоветского пространства: сравнительный анализ // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 84–95. <https://doi.org/10.31857/S013216250009906-9>
- Abduvaliev M., Bustillo R. Impact of remittances on economic growth and poverty reduction amongst CIS countries // Post-Communist Economies. 2020. Vol. 32, Is. 4. P. 525–546. <https://doi.org/10.1080/14631377.2019.1678094>
- Betti G., Lundgren L. The impact of remittances and equivalence scales on poverty in Tajikistan // Central Asian Survey. 2012. Vol. 31, Is. 4. P. 395–408. <https://doi.org/10.1080/02634937.2012.738849>
- Blondin S. Understanding involuntary immobility in the Bartang Valley of Tajikistan through the prism of motility // Mobilities. 2020. Vol. 15, Is. 4. P. 543–558. <https://doi.org/10.1080/17450101.2020.1746146>
- Buckley C., Hofmann E. T. Are Remittances an Effective Mechanism for Development? Evidence from Tajikistan, 1999–2007 // Journal of Development Studies. 2012. Vol. 48, Is. 8. P. 1121–1138. <https://doi.org/10.1080/00220388.2012.688816>
- Faist T. Towards Transnational Studies: World Theories, Transnationalisation and Changing Institutions // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. Vol. 36, Is. 10. P. 1665–1687. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489365>
- The roles of labor migrants' wives in HIV/AIDS risk and prevention in Tajikistan / A. Golobof, S. Weine, M. Bahromov, J. Luo // AIDS Care: Psychological and Socio-medical Aspects of AIDS/HIV. 2011. Vol. 23, Is. 1. P. 91–97. <https://doi.org/10.1080/09540121.2010.498859>
- Kluczevska K. When IOM encounters the field: localising the migration and development paradigm in Tajikistan // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1691914>
- Kumo K. Tajik labour migrants and their remittances: is Tajik migration pro-poor? // Post-Communist Economies. 2012. Vol. 24, Is. 1. P. 87–109. <https://doi.org/10.1080/14631377.2012.647630>
- Shiller N. G., Basch L., Szanson-Blanc C. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration // Annals of New York Academy of Science. 1992. Vol. 645. P. 1–24. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x>
- Schröder P., Stephan-Emmrich M. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central

- Asian Translocal Livelihoods // *Mobilities*. 2014. Vol. 11. P. 422–443. <https://doi.org/10.1080/17450101.2014.984939>
- Thibault H. Labour migration, sex, and polygyny: negotiating patriarchy in Tajikistan // *Ethnic and Racial Studies*. 2018. Vol. 41, Is. 15. P. 2809–2826. <https://doi.org/10.1080/09540121.2010.498859>
- ### References
- Abashin S. N. Sredneaziatskaya migratsiya: praktiki, loyalyne soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Loyal Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 2012, Is. 4, pp. 3–13. (In Russ.)
- Abashin S. N. Vozvrashchenie domoi: semeinye i migratsionnye stsenarii v Uzbekistane [Returning home: family and migration scenarios in Uzbekistan]. *Ab Imperio*. 2015, Is. 3, pp. 125–165. (In Russ.)
- Abduvaliev M., Bustillo R. Impact of remittances on economic growth and poverty reduction amongst CIS countries. *Post-Communist Economies*. 2020, Vol. 32, Is. 4, pp. 525–546. <https://doi.org/10.1080/14631377.2019.1678094>
- Betti G., Lundgren L. The impact of remittances and equivalence scales on poverty in Tajikistan. *Central Asian Survey*. 2012, Vol. 31, Is. 4, pp. 395–408. <https://doi.org/10.1080/02634937.2012.738849>
- Blondin S. Understanding involuntary immobility in the Bartang Valley of Tajikistan through the prism of mobility. *Mobilities*. 2020, Vol. 15, Is. 4, pp. 543–558. <https://doi.org/10.1080/17450101.2020.1746146>
- Borisova E. V. Detskaya mobilnost v kontekste migratsii iz Tadzhikestana [Children's mobility in the context of migration from Tajikistan]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*. 2017a, Is. 8, pp. 73–80. (In Russ.)
- Borisova E. V. “Ne stala zdorovatsia – vot chto znachit ezdit v Rossiyu!”: vozvrashchenie detei migrantov kak predmet moralnykh suzhenii v Tadzhikestane [“I didn't say hello – this is what it means to go to Russia”: The return of migrant children as a subject of moral judgments in Tajikistan]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 2017b, Is. 3, pp. 16–31. (In Russ.)
- Brednikova O. E. Mobilnaya zanyatost mobilnogo subiekta [Mobile employment of a mobile subject]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoi politiki [Journal of Social Policy Research]*. 2020, Vol. 18 (4), pp. 705–720. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720> (In Russ.)
- Britvina I. B., Mogilchak E. L. Tipologiya zhitelii rossiiskogo megapolisa po otnosheniyu k inoetnichnym migrantam [Typology of residents of the Russian megapolis in relation to migrants of other ethnicities]. *Mir Rossii [World of Russia]*. 2018, Is. 1, pp. 114–134. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134> (In Russ.)
- Britvina I. B., Mogilchak E. L., Savchuk G. A. Otnoshenie zhitelii uralskogo megapolisa k inoetnichnym migrantam iz stran Tsentralnoi Azii: faktorniy analiz [The attitude of residents of the Ural metropolis to migrants of other ethnicities from Central Asian countries: factor analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]*. 2018, Vol. 44, pp. 137–146. <https://doi.org/10.17223/1998863X/44/14> (In Russ.)
- Buckley C., Hofmann E. T. Are Remittances an Effective Mechanism for Development? Evidence from Tajikistan, 1999–2007. *Journal of Development Studies*. 2012, Vol. 48, Is. 8, pp. 1121–1138. <https://doi.org/10.1080/00220388.2012.688816>
- Dzhanyzakova S. D. “Zdes' i tam” v migrantskikh istoriyakh vykhodtsev iz Kyrgyzstana v Rossii (sluchai Tomsk) [“Here and There” in the migrant stories of immigrants from Kyrgyzstan in Russia (the case of Tomsk)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian Historical Research]*. 2019, Is. 3, pp. 72–86. <https://doi.org/10.17223/2312461X/25/4> (In Russ.)
- Dzhanyzakova S. D. “Predpochitayu rabotat na sebya”: predprinimatelstvo migrantov iz Tsentralnoi Azii v sibirskom gorode (na primere Tomsk) [“I prefer to work for myself”: entrepreneurship of migrants from Central Asia in a Siberian city (on the example of Tomsk)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*. 2021, Is. 1, pp. 157–195. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-18> (In Russ.)
- Endryushko A. A. Integratsiya v rossiiskoe obshchestvo migrantov iz Azerbaidzhana i drugih stran postsosvetnogo prostranstva: sravnitelnyy analiz [Integration into Russian society of migrants from Azerbaijan and other post-Soviet countries: a comparative analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*. 2020, Is. 11, pp. 84–95. <https://doi.org/10.31857/S013216250009906-9> (In Russ.)
- Faist T. Towards Transnational Studies: World Theories, Transnationalisation and Changing Institutions. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010, Vol. 36, Is. 10, pp. 1665–1687. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489365>
- Florinskaya Yu. Pamirskie trudovye migranty v Rossii (po rezul'tatam issledovaniya v moskovskom regione) [Pamir labor migrants in Russia (according to the results of a study in the Moscow region)]. *Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]*. 2010, Vol. 415–416. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/analit01.php#_FN_6 (date of access: 05.06.2021) (In Russ.)
- Golobov A., Weine S., Bahromov M., Luo J. The roles of labor migrants' wives in HIV/AIDS risk and prevention in Tajikistan. *AIDS Care: Psychological and Socio-medical Aspects of AIDS/HIV*. 2011, Vol. 23, Is. 1, pp. 91–97. <https://doi.org/10.1080/09540121.2010.498859>
- Kluczevska K. When IOM encounters the field: localising the migration and development paradigm in Tajikistan. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1691914>
- Kumo K. Tajik labour migrants and their remittances: is Tajik migration pro-poor? *Post-Communist Economies*. 2012, Vol. 24, Is. 1, pp. 87–109. <https://doi.org/10.1080/14631377.2012.647630>
- Lisitsyn P. P., Stepanov A. M. Perezid iz Tadzhikestana v Rossii: mify i realnost [Moving from Tajikistan to Russia: myths and reality]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of public opinion: economic and social changes]*. 2019, Vol. 150 (2), pp. 304–317. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.14> (In Russ.)
- Olimov M. A., Olimova S. K. Transformatsiya identichnosti v migratsii: etnichnost i religiya (na primere Tadzhikestoi trudovoy migratsii v Rossii) [Transformation of identity in migration: ethnicity and religion (on the example of Tajik labor migration in Russia)] [Transfor-

- mation of identity in migration: ethnicity and religion (on the example of Tajik labor migration in Russia)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History]. 2019, Vol. 59, pp. 158–166. <https://doi.org/10.17223/19988613/59/21> (In Russ.)
- Olimova S. Migratsionnye protsessy v sovremennom Tadjikistane [Migration processes in modern Tajikistan]. *Demoscope Weekly* [Demoskop Weekly]. 2005, Vol. 223–224. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0223/analit05.php#_FNR_26 (date of access: 05.06.2021) (In Russ.)
- Olimova S., Olimov M. Tadjikskie trudovye migranty vo vremya krizisa [Tajik labor migrants during the crisis]. *Demoskop-weekly* [Demoscope-weekly]. 2010, Vol. 415–416. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/tema01.php> (date of access: 05.06.2021) (In Russ.)
- Peshkova V. M. Transnatsionalnye osobennosti semeinoi ekonomiki trudovykh migrantov iz Srednei Azii v Rossii [Transnational features of the family economy of labor migrants from Central Asia in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2016, Vol. 131 (1), pp. 240–255. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.10> (In Russ.)
- Pogodaev N. P. Osievi, xamchun rusi navin: obrazovatel'naya migratsiya iz Tadjikistana v Rossiyu kak resurs formirovaniya transgranichnogo obshchestva [Osiyevi, Kamchun rusi navin: educational migration from Tajikistan to Russia as a resource for the formation of a transboundary society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2018, Vol. 44, pp. 183–198. <https://doi.org/10.17223/1998863X/44/18> (In Russ.)
- Poletaev D. V. Zhenskaya trudovaya migratsiya iz Tadjikistana i Kirgizii v Rossiyu [Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia]. *Narodonaselenie* [Population]. 2018, Vol. 21 (4), pp. 69–78. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-07> (In Russ.)
- Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E., Maksimova A. S., Gafurova Sh. Sh. Pismennaya E. E., Maksimova A. S., Gafurova Sh. Sh. Transformatsiya sotsialnykh roli zhenshchin v Tadjikistane v usloviyakh trudovoi migratsii [Transformation of the social roles of women in Tajikistan in the context of labor migration]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian society]. 2018, Vol. 87 (2), pp. 64–74. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.2.6> (In Russ.)
- Shcherbakova E. M. Inostrannaya rabochaya sila v Rossii po itogam 2020 goda [Foreign labor force in Russia at the end of 2020]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly]. 2021, Vol. 901–902. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom01.php> (date of access: 05.06.2021) (In Russ.)
- Schröder P., Stephan-Emmrich M. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods. *Mobilities*. 2014, Vol. 11, pp. 422–443. <https://doi.org/10.1080/17450101.2014.984939>
- Shiller N. G., Basch L., Szanson-Blanc C. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration. *Annals of New York Academy of Science*. 1992, Vol. 645, pp. 1–24. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x>
- Thibault H. Labour migration, sex, and polygyny: negotiating patriarchy in Tajikistan. *Ethnic and Racial Studies*. 2018, Vol. 41, Is. 15, pp. 2809–2826. <https://doi.org/10.1080/09540121.2010.498859>
- Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S., Andreeva A. S. *Migranty v rossiiskikh gorodakh: rasselenie, kontsentratsiya, integratsiya* [Migrants in Russian cities: resettlement, concentration, integration]. Moscow, Delo Publ., 2021, 226 p. (In Russ.)
- Zotova N. Vospriyatie migratsii v strane iskhoda: Tadjikistan [Perception of migration in the country of origin: Tajikistan]. *Demoskop-weekly* [Demoscope-weekly]. 2008, Vol. 355–356. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/analit07.php> (date of access: 05.06.2021) (In Russ.)

Сведения об авторах

Авдашкин Андрей Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет; Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76
e-mail: adrianmaricka@mail.ru

Information about the authors

Avdashkin Andrey Alexandrovich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, South Ural State University; 76, Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
e-mail: adrianmaricka@mail.ru